

Фазиль Искандер

Моя милиция меня бережет

Часть сборника
Золото Вильгельма (сборник)

Фазиль Искандер

Моя милиция меня бережет

«ЭКСМО»

Искандер Ф. А.

Моя милиция меня бережет / Ф. А. Искандер — «Эксмо»,

«... В день вылета я вместе с другими пассажирами дожидался летной погоды на сухумском аэровокзале. Наш самолет отменили, но нам сказали, что шансы на вылет остаются, только надо терпеливо ждать. Прождав часа два, я отправился в буфет, где встретил нескольких знакомых летчиков, свободных от полета. Примерно через час они меня таинственно провели сквозь какие-то служебные проходы и посадили в какой-то полутранспортный самолет с жесткими, как мне кажется, алюминиевыми сиденьями. Таинственность оказалась излишней, потому что через некоторое время в этот же самолет вошли все пассажиры, которые вместе со мной ждали погоды. ...»

© Искандер Ф. А.

© Эксмо

Содержание

Фазиль Искандер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Фазиль Искандер

Моя милиция меня бережет

Получив вторую половину денег за свою книжку, я почувствовал неотвратимое стремление потратить их в Москве, а не где-нибудь в другом месте.

Первая половина улетучилась в процессе выхода книжки, она как бы ушла на самообслуживание самого издания, я ее недостаточно четко прочувствовал.

День выезда я приурочил ко дню рождения моего друга. Обычно мой друг отмечал эту дату с широтой и блеском, впрочем, оправданным твердым решением сразу же после праздника начинать новую жизнь.

Дома моя поездка в Москву проходила под общим названием «Покупка Зимнего Пальто в Москве». К этому времени мое легкомысленное черноморское пальто порядочно поистерлось, и мне в самом деле было нужно новое.

Мама, как всегда, пыталась приостановить мою поездку, на этот раз ссылаясь на то, что в Москве, как сообщало радио, стояли сильные морозы, и я в своем ветхом пальто мог простудиться еще до того, как успею купить новое пальто. Мне удалось доказать ей, что покупка нового пальто в такой мороз будет его лучшим испытанием, наиболее полноценной обкаткой, которую нельзя получить в условиях нашей двусмысленной колхидской зимы.

Против этого она ничего не могла возразить, а только предложила мне подшить карман с аккредитивами, с тем чтобы я в Москве вспорол его в гостинице перед самой покупкой пальто, разумеется, в условиях полного одиночества.

Но и эту попытку я отверг на том основании, что я уже больше не студент, а даже как бы писатель; во всяком случае, новенький членский билет лежал у меня в кармане.

– Но не все же об этом знают, – сказала она довольно резонно и предложила хотя бы булавками подколоть карман с аккредитивами.

– Нет, – сказал я и уложил их в чемодан вместе с десятком экземпляров своей книжки.

В день вылета я вместе с другими пассажирами дождался летной погоды на сухумском аэровокзале. Наш самолет отменили, но нам сказали, что шансы на вылет остаются, только надо терпеливо ждать.

Прождав часа два, я отправился в буфет, где встретил нескольких знакомых летчиков, свободных от полета. Примерно через час они меня таинственно провели сквозь какие-то служебные проходы и посадили в какой-то полутранспортный самолет с жесткими, как мне кажется, алюминиевыми сиденьями. Таинственность оказалась излишней, потому что через некоторое время в этот же самолет вошли все пассажиры, которые вместе со мной ждали погоды.

Чемоданы складывались напротив дверцы. Дальше хвостовое отделение было забито неизвестным мне грузом в мешках и ящиках. Впрочем, ящиков, возможно, и не было. Может быть, даже и мешков не было, но у меня осталось такое впечатление, что в самолете было немало мешков и ящиков.

Мы взлетели, и минут через двадцать я убедился, что погода и в самом деле нелетная. Было такое ощущение, что мы находимся внутри огромной врубовой машины, которая ввинчивается в меловые горы, а они, время от времени, подточенные ею, обрушиваются сверху на самолет.

Примерно через час после вылета на пути из туалета к своему месту я заметил, что мой чемодан, который я оставил в вертикальном положении, лежит в лежку, словно он уже заболел морской болезнью. Я его приподнял, встряхнул для бодрости и поставил рядом с другими наиболее устойчивыми чемоданами. Тут я заметил, что в этом лежище чемоданов немало

экземпляров, не отличимых от моего. Мне подумалось, что такое сходство к добру не приведет. В кармане у меня оказался химический карандаш, я пригнулся над моим чемоданом и густо закрасил его верхнюю плоскость возле ручки. Получилось довольно симпатичное пятно с голубовато-зеленым отливом, напоминающее абстрактный рисунок.

Когда я вложил карандаш в карман и разогнулся, взгляд мой встретился со взглядом пассажира, который сурово и терпеливо следил за моими действиями. Я сделал неопределенный жест в том смысле, что мои действия совершенно безвредны как для чемодана, так и для нашего полета в целом.

Пассажир этот мой миролюбивый жест почему-то не принял, а продолжал сурово следить за мной, только еще выше приподняв голову, как бы расширяя кругозор бдительности. Так дирижер приподымает голову, неодобрительно прислушиваясь к звучанию самых дальних инструментов.

Я снова вынул из кармана карандаш и, фальшиво подбрасывая его на ладони, отправился на свое место. Мне показалось, что он его не разглядел или принял за какой-то другой инструмент, может быть, портативную отмычку.

Как только я сел на свое место, он встал и поспешно пошел в хвост самолета. Выйдя из туалета, он остановился и, заложив руку за спину, наклонился над чемоданами, не притрагиваясь ни к одному из них. Возможно, он демонстрировал универсальную форму проверки состояния багажа, принятую на всех международных авиалиниях.

Мне кажется, он обнаружил радужное пятно на моем чемодане и особенно долго приглядывался к нему. Вероятно, он его принял за тайный шифр или некий варфоломеевский знак. В какое-то мгновение он низко наклонился над ним, продолжая держать руки за спиной и повернув к нему ухо, из чего я заключил, что он старается расслышать тиканье часов адской машины, вложенной мной в чемодан. При этом вся его фигура, безупречно склоненная над чемоданами, как бы говорила – даже при таких чрезвычайных обстоятельствах, как видишь, я не даю воли рукам, а только смотрю и слушаю.

Наконец он сел. Лицо его продолжало оставаться суровым и замкнутым. Теперь я вспомнил, что перед самым вылетом, когда кто-то из экипажа задраивал дверцу, он подходил к нему помогать, но тот его, по-моему, прогнал. Это был человек лет сорока, с лицом, как бы застывшим в недоумении, со слегка приподнятыми бровями, с большим выпуклым лбом, который, кстати, в провинции все еще принимают за признак ума или большой интеллигентности. Такого рода люди с неутоленным общественным честолюбием встречаются на всех дорогах России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.